

Николаева С.Ю.

«ПРОСТОРЫ РУССКИЕ – СВЯТЫЕ...»

(о сборнике стихотворений Г.В. Степанченко «Фотостихи».

– Ржев: филиал ОАО «ТОТ» Ржевская типография, 2014. – 152 с., илл.) // **Альманах «Тверь», № 14. Тверь: Изд-во «Ванчакова линия», 2014. С. 311-320.**

Характерная особенность творчества Г.В. Степанченко – это умение писать не просто стихи или сборники стихов, а книги стихов. Каждый его сборник – это некая целостность, с продуманной композицией, сквозным сюжетом, системой повторяющихся и варьирующихся элементов, а главное – с глубинной авторской концепцией. Это не лирические циклы, посвященные той или иной относительно узкой, частной поэтической теме, а именно книги – масштабные лиро-эпические полотна, тяготеющие к отображению значимого фрагмента действительности, отрезка истории, крупного сегмента национального русского мира.

Новая книга – «Фотостихи» – не нарушает этой закономерности. Замысел поэта на этот раз основан на конструктивном принципе семейного альбома.

Старые открытки и фотографии, их эмоциональный, эстетический, духовный потенциал в последние годы были по достоинству оценены издателями, историками, литераторами как источник изучения прошлого, как способ познания культуры повседневности, как метод погружения в быт наших предков, как форма знакомства не просто с членами чьей-то семьи, а с русским народом, с предшествующими поколениями и прежней Россией. Знакомства на такую историческую глубину, которая доступна фотоискусству, возникшему полтора столетия назад. Это направление в тверской культуре представлено такими книгами, как стихотворный сборник В.А. Редькина «Из семейного альбома» (1999), литературный альманах под ред. Н.В. Лосевой «Семейный альбом» (2008, 2010), художественное издание «Вышний Волочек на старинных открытках», осуществленное Е.И. Ступкиным (2005) и другими.

Лица русских людей, глядящие на нас со старых фотографий, поражают своей значительностью, красотой, «чистотой нравственного чувства». И строгим, суровым вопрошанием, обращенным к нам: «Ну как, потомки, смогли вы сохранить память о нас? Сумели сбереечь Россию? Не растеряли стыд и совесть?» Кажется, именно эта мысль и вдохновила Г. Степанченко на его новую книгу стихов.

Структура книги трехчастная: в первом разделе представлена «мысль народная», во втором – «мысль семейная» (если воспользоваться толстовскими выражениями), в третьем – раскрывается характер и внутренний мир лирического героя, причем сущность лирического «я» определяется через отношение к таким понятиям, как «народ», «отечество», «семья».

Ключевое стихотворение первого раздела, названного «Старые фотографии», посвящено мотиву соборности, русской национальной общности, единой «роевой жизни» человечества (опять вспоминается Л.Н. Толстой), населения Ржева и всей Руси. Град превращается в вертоград, Ржев в Русь, а люди объединяются в дружный пчелиный рой:

Колокольный звон плывет над градом –

Градом Ржевом, градом-вертоградом:

Все дома, дома, сады, сады...

Теплым ветром улицы полны;

Теплым ветром, запахом сирени...

Здесь бывает Волга по колени,

А бывает – выше головы.

И опять – дома, опять – сады.

Звон плывет, и улицы плывут,

И плывет пчелиный дружный гуд.

Историческая дистанция, отделяющая нас от дедов и прадедов, велика: «Весна. Россия. Крестный ход... // Сто лет в обед, как все минуло». Но черно-белые открытки позволяют еще отчетливее почувствовать нравственный свет, запечатленный старым фотоаппаратом: «Город над Волгою – весь нараспах: // Пасху Господню ждет». Народное единство в той, прежней Руси – главное, что должен увидеть наш современник, вглядываясь в лица на стершихся фотокарточках: «И все, как есть, один народ».

В стихотворениях первой части книги можно выделить повторяющиеся мотивы и образы, поэтическую топику Г. Степанченко: «Сады, сады, сады вишневые», «дома и дома», церкви, храмы, соборы и купола, «речка-невеличка», «Все речушки, речушки да речки», город, небо, простор, воля, тоска, поле, луга, леса, холмы, пригорки, дороги, мосты, лен, рожь, хлеб, молоко, чудо, правда. Словарь очень простой: он вмещает в себя простые, исконно русские слова, которые описывают мир русского человека, его вековечное бытие. Эти слова имеют огромный обобщающий потенциал, они всеохватны и придают лирике Г. Степанченко философский характер.

Например, изображение хрупкого мостика символизирует невозвратность движения из прошлого в будущее, невозможность вернуть былое: «Люди куда-то идут // По наплавному мосту... // Вечность стоит на посту // И окликает: «Куда? // Стойте! Куда? Хо́да – нет!» Прошлое можно только вспоминать, разглядывая старый альбом: «Чтоб опять, и в сотый раз, и снова // Пить да пить былое, как вино». Переправа через реку в народной поэзии и в мифологии – это переход в мир иной, он сулит соприкосновение с иными, неосязаемыми здесь, сущностями, и читатель размышляет о тайне жизни и смерти, читая строки: «И это чудо – будет, будет! // Река. Паромщик. Дальний лес».

Особое значение приобретает мотив «хлеба». Сам топоним «Ржев» ассоциируется с рожью и Русью. Ржаное или льняное поле напоминает о вечном русском смирении, непритязательности, умении довольствоваться малым, о просветленности русской души: «Все скромно, бедно. Все невзрачно, жалко // Вот только – белизна... голубизна...». Г. Степанченко любит рисовать ржаные поля, сравнивать с хлебом церквушки и купола: «Не то кулич, не то коврига хлеба – // А может, просто храмик городской». Хлеб наш насущный он воспринимает в глубоком духовно-религиозном смысле: «А те, кто не выжил – они далеко, // они на каком-нибудь небе // Парное небесное пьют молоко, // уже не вздыхая о хлебе».

Для лирического героя Г. Степанченко очень значимы и знаковы «Просторы русские – святые», ибо в них в любой момент может свершиться чудо. Смогут ли наши современники, как когда-то жители ржевского села Оковцы, обретшие икону Богоматери, в это чудо поверить, а главное – смогут ли они нравственно соответствовать явленному им чуду, этому призыву свыше? Такой вопрос слышит лирический герой Г. Степанченко, разглядывая фотоальбом: «И надо всем – небес голубизна. // Забытый всеми мир. Чего он хочет? // Чего ты хочешь, дивная страна?»

И, конечно же, для поэта важна тема Слова, поэта и поэзии. Фотографии показывают, но не говорят, и нужен поэт, чтобы расшифровать старинные изображения. Поэтому первая часть книги Г. Степанченко в заключении содержит гимн Слову, которое «снова пробьется... // сквозь камни и сквозь песок», «И засочится по капле, // Прежде чем хлынуть струей», и, наконец, «зажурчит ручьем», чтобы донести до людей, привыкших видеть на земле «прах да порох», «ложь да кривду», – донести до них «Правду».

Вторая часть книги – «Семейный альбом». Это история семьи в фотографиях – и, конечно же, в связи с историей страны. Открывается этот раздел стихотворением, которое сопровождает фотографию чьих-то деда и бабушки, чьих-то отца и матери (не только самого поэта или его лирического героя, но и каждого из читателей). Стихотворение отвечает на вопрос о том, где же исток духовных сил этих простых русских людей, жителей среднерусской полосы, срединной России. Как же они сумели вынести все те испытания, которые выпали на их долю, как смогли полюбить и сохранить свою «скудную» землю, которая дороже любой другой земли, сколь угодно жирной и тучной?

Славны бубны про черноземы!
А не хочешь – подзол, песок?
Не пшеница, а *рожь* везома
С бедных *пашен*, но *славен* Бог.

Он незримо идет по полю –
Видишь, *катится* вдаль волна?
И какая тебе еще воля,
если *рожью* полны закрома!

Он и в церкви незримо реет,

он и в *тихих* сердцах живет, -
и никто нас не одолеет,
если верит в Него народ.

Ответ, который дает автор, связан с русской верой, с русским Богом. Но данное стихотворение интересно еще и тем, что содержит своеобразный отклик на произведение выдающегося современного русского поэта – Юрия Кузнецова. Г. Степанченко вообще продолжает многие его традиции, а в данном случае речь идет о «Тайне славян» (1981). Ю. Кузнецов в символично-метафорической форме говорит о сущности русской души, о русском национальном характере. Напоминая про «сорок веков» русской и общеславянской истории, он предрекает пробуждение национального самосознания, предчувствует обновление, зреющий пассивный взрыв, которого большинство пока еще и не слышит, отсюда оксюморон: «Всюду шумит. Ничего не слышать». Слышат только избранные, те, о ком можно сказать – «поэт-пророк»:

Во *поле* выйдешь – глубокий *покой*,
Густо колосья стоят под горой.
Мир *не шелохнется*. *Пусто* – и что ж!
Поле задумалось. Клонится *рожь*.
Тихо прохлада волной *обдала*.
Без дуновения *рожь* полегла.
Это она мчится по *ржи*! Это она!

«Имеющий уши да услышит». Поэт слышит, знает, задумывается: «Что-то случилось»; «Что там шумит, нагоняя волну?»; «Что там шумит?»; «Снова шумит, нагоняя волну». «Тайна славян» – это неизбежное пробуждение славянства от «великого покоя», навязанного враждебными силами.

Г. Степанченко продолжает и развивает мысль Ю. Кузнецова. Скучна русская земля, но «славен Бог» русский. Вера в него спасет русский народ. Оба поэта используют один и тот же образ – образ волны на ржаном поле. Но если у Ю. Кузнецова эта волна приобретает вселенский характер (объединяя противоположности, охватывая землю и небо, прошлое и настоящее, предков и потомков, добро и зло, мать и дитя, влюбленных и убийц, славу и дым), то у Г. Степанченко возникает иная трактовка, у него волна – это волна душевного и духовного единения людей, волна веры, которая докатилась от предков к потомкам, волна незримого Божественного присутствия в мире.

В современном естествознании волновой принцип помог объяснить физическое единство мира. Поэзия использует этот принцип, чтобы объяснить духовное единство мира. Ю. Кузнецов сосредоточен на славянском геополитическом единстве, центром которого мыслит русский народ, Г. Степанченко размышляет о духовно-религиозном единстве русского народа, источник которого – вера наших отцов, православие, Бог. Обратим внимание на многочисленные совпадения в словаре двух анализируемых стихотворений поэтов: «рожь», «покой», «тихо», «волна», «поле», «не шелохнется», «пусто», «задумалось», «без дуновения» (Ю. Кузнецов); «незримо», «тихий», «рожь», «пашня», «поле», «волна» (Г. Степанченко). Это подтверждает вывод о преемственности, существующей между двумя поэтами.

Следом за воспоминаниями об отце и матери, деде и бабушке идут стихотворные рассказы о дядях и тетках, о сестрах и братьях, о многочисленных родственниках и просто согражданах, соратниках, одноклассниках, сокурсниках. Рецептов, пригодных для всех, у поэта нет, он признает, что отношения человеческие – это великая тайна: «Что такое семья? Известно. // Что такое любовь? Знает Бог». И тем не менее у лирического героя Г. Степанченко есть главное – любовь к своей семье, любовь к «семье» ржевитян и вообще соотечественников. В семье испивают до дна «чашу жизни», лелеют «человеческий слабый росток», ходят в «платье деревенского покроя», «босиком... по песочку», именно семья устраивает «перед каждым домом – райский сад», именно здесь «девки гудят, как в улье», т.е. происходит та самая «роевая жизнь человечества».

«Мысль семейная» у Г. Степанченко – глубинная, теплая, трогательная, чем-то родственная описанию родового древа в поэзии Н. Тряпкина. И так же, как и у Н. Тряпкина, эта мысль не сентиментально-слезная, а суровая в своей правдивости, она тесно переплетена с остросоциальными, историческими, трагическими обстоятельствами эпохи. Глядя на молодые счастливые лица, запечатленные фотографом, поэт ежеминутно помнит: «Все пройдет –

как вода, утечет, // что останется от человека, // от страны, от удач и невзгод»; «Где-то за горою скачет всадник, // Где-то смерть таится до поры»; «И уже приближается вечность, // И уже приближается смерть». Среди трагических обстоятельств эпохи, зафиксированных фотолетописцем, упоминаются типичные и наиболее значимые для истории нашей страны: «А за спиной – бои с Бандерой, // Война гражданская в Китае», война Великая Отечественная, послевоенные тяжкие труды, разрушительнейшая «перестройка»: «Но уже приближаются годы // Той бездарной бездумной поры, // где под лозунгом мнимой свободы // враз подрубят страну топоры. // Но уже приближаются годы, // Что и счастье, и радость сотрут. // И пойдут бес за бесом уроды – // Кто из иродов, кто из иуд».

Ностальгическое настроение лирического героя выражается с помощью реминисценций из «Слова о полку Игореве»: «За холмом ты, Русская земля»; «Все проходит – что мило, постыло... // Глядь, а ты среди *брешущих псов*. // Что с того? Не отнимет, что было, // Никакая орава лжецов». «Брешущие псы» – те, кто проклинает Россию и клеветает на нее. Вспомним древнерусскую повесть: «Лисицы брешут на червленые щиты... А Игорь войско к Дону ведет...» Исторический параллелизм – принцип, которым мастерски владеет Г. Степанченко.

Память о той России, где звучал «гул оркестров медный, а не звон рублей», о России, которую мы потеряли, все же заставляет героя Г. Степанченко внутренне сопротивляться «всем анчуткам да бесам», навязавшим поклонение Березовскому, Хоттабу, Сорокину с его «Голубым салом», Коху, который «русских в грязь макает», «нетопырям», проложившим границы между славянами – членами братской семьи народов. Эта память заставляет задавать старый российский вопрос: «Что делать?»

Ответ на этот вопрос содержится в завершающем стихотворении данного раздела книги – «Бандурист». Стихотворение оказалось злободневным и затрагивает русско-украинские отношения. Герой не хочет петь о России, которая, по старому русскому обычаю, готова взять на себя ответственность за многое, даже за то, в чем не виновата:

Медлит бандурист, берет аккорды.

Видно, дуже он сегодня гордый,

Видно, вспомнил старые обиды –

Трою, «Илиаду», «Энеиду»...

Не хочет он петь об Украине, на долю которой пришлось тяжелые испытания:

– Про Вкраину я и сам не хочу...

Топчет ее дядько Сэм, як кочет!

Галки с Галичины налетели,

Всю-то нашу Украину съели.

А соглашается старый бандурист спеть о родственных, семейных связях Украины и России:

– Ну, тогда про что? – Да про дивчину,

Про село, про хлопцев, про калину,

Да про то, что мати Украина

Доченьку Россию не забыла!

«Семейный альбом» в книге Г. Степанченко завершается мотивом кровной, нерасторжимой связи украинского и русского народов, поэт поет «о злой кручине, // о России, Боге, Украине». Что делать? – Сохранять от гибели славяно-русский корень! Что сейчас может быть более значимым?

Третий раздел в сборнике «Фотостихи» носит название «Новые фотографии». Это взгляд на наше время, наше общество, современную Россию, какой ее видит лирический герой поэта. Если композиция первого раздела книги основывалась на движении от «мысли народной» к теме поэтического слова, а структура второй части держится на принципе летописного повествования от истоков отдельной семьи к ее судьбе и к судьбе славянства в целом, то третий цикл в книге Г. Степанченко построен на смене времен года: настроения, чувства, мысли лирического героя соотнесены с весной, летом, осенью и зимой. На смену историческому параллелизму приходит параллель между жизнью природы и эпохами человеческой жизни: юностью, молодостью, зрелостью. В центре художественной концепции оказывается человек с его страданиями, желаниями, надеждами.

«Новые фотографии» подтверждают, что Россия пока – вопреки всему – еще существует, она есть, и прежде всего благодаря тому, что лирический герой хранит ее в своем сердце и в своей памяти. Здесь развиваются те мотивы, которые уже были намечены на предыдущих страницах сборника, причем с опорой на литературные традиции. Например, строки про «те же скудные поля, // Что скудный хлеб дают веками», содержат явные реминисценции из тютчевских («эта скудная природа») и ахматовских («тверская скудная земля») стихов. Звучат излюбленные поэтом мотивы: «Здесь время протерто до дыр», «И длится Божья Благодать», Волга «журчит ручьем» и пока еще не подозревает о своем величии, здесь основные краски – «синь да зелень», «Эта тихая улица, эта простая картина: // Снег и деревце, снег и великий покой».

Однако в этом разделе появляются и новые темы и сюжеты. Они прежде всего связаны с жизнью души и судьбой лирического героя. Появляются ангел смерти «с мечом», «древо желаний», гоголевская «лестница в небо», «Неудача. Опять неудача». Актуализируется идея пути, испытаний, страданий, терпения и стояния на своем, «самостояния»:

Что с того, что на плечи упали
То ли глыба с небес, то ли крест?
Мы такое и прежде знавали.
Это просто проверка. Ликбез.
Я под тяжким крестом прогибаюсь,
Но встаю – с сирым всхлипом – с колен.
Я тебе, как судьбе, улыбаюсь
Рваным ртом сквозь безумье и тлен.
Я себя, как копеечку, трачу.
Я сплетаю канаты из жил.
Ну и что, коль в судьбе недостача?
Я киркою тропу прорубил
Через скалы – все к той же Голгофе...

Думается, в этих стихах речь идет о судьбе русского человека, как она сложилась в последние четверть века. Сохранить себя, свою душу, свои взгляды, свою, как теперь модно говорить, русскую национальную идентичность в условиях, когда «лисицы брешут на червленые щиты», было очень трудно, почти невозможно. Г. Степанченко говорит о тех и обращается к тем, кто смог это сделать. Метафорический образ такого человека представлен в стихотворении «Камень»:

Могучий камень спит и видит сны <...>.
Он в землю врос. Он, никому не веря,
Припал к земле и погрузился в сон...
Горбатая спина диковинного зверя.
Пустырник. Зверобой. Земли и неба склон.

Камень – символ веры, крепости духа. Не случайно он лежит там, где «земли и неба склон». На нем свет сошелся клином. Он крепкий орешек. Он не по зубам врагам Русской земли. Его голыми руками не возьмешь. Это камень преткновения для чужих и чуждых. Это краеугольный камень. Никто не может сдвинуть его с места. Он лежит в самом сердце Ржевской земли и самой Руси, и на нем держится Русь.

Сборник Г. Степанченко завершается стихотворением «На прощанье», лирический герой говорит «До свидания», но тут же с новой силой заявляет о своем желании жить и бороться. Он отвергает «незримого снайпера яростную забаву» – смерть, хотя весь фотоальбом стал для него своего рода некрополем, напоминанием о неизбежном конце. Поэт еще не готов «встать и отбросить судьбу... дом, всю планету, себя». Он просит Всевышнего:

Боже немилостивый, всенепрощающий Боже!
Что тебе лето одно, весь этот сон и бред?
Плюнь мне в глаза или дай кулачищем по роже –
Но отведи, наконец, от виска пистолет.

Поэт хочет увидеть, как новые вызовы новой эпохи заставят современное поколение русских людей воспрянуть духом, распрямиться, заявить о своем пути в истории. Поэт должен, обязан добавить новые фотографии в свой сборник «фотостихов».

Не случайно каждый раздел книги завершается размышлениями о поэте и поэзии. Но в первом разделе речь шла о силе Слова, во втором – о бандуристе, словно бы пришедшем из глубины веков, а в финале книги поэт высказывается от первого лица и тем самым устанавливает сокровенную связь между собой и читателем. Он глубоко взволнован, именно теперь, в настоящий исторический момент, когда Россия оказалась на поворотной точке своей истории, он менее всего хотел бы уйти. И его неравнодушие, его страстное, пристальное, сердечное внимание к тем скрытым духовным процессам, которые подспудно текут в российской действительности, на самом деле очень нужны России.

Литературное мастерство Г. Степанченко неоспоримо. Он выработал свой стиль, узнаваемый читателем (поэтика повторов, назывные предложения, народно-поэтические образы, своеобразная метафора, звукопись, внутренние рифмы), но еще важнее то, что он сумел выработать свой взгляд на человека, общество, время, Россию и мир. Его «тихая» книга (а слово «тихий» часто повторяется на ее страницах) очень современна. Она стреляет, как снайпер, звучит, как выстрел. Для этого нужна душевная отвага, и она дорогого стоит.

Хорошо, что такой поэт на Тверской земле есть.